
НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Исторія русской словесности, для средних учебных заведеній. Сочиненіе *А. И. Незеленова*. Изд. 8-е. Подъ редакціей проф. *А. И. Кирпичникова*. (Съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина). Удостоено малой преміи Императора Петра Великаго. Москва. 1899. X+240. Цѣна 1 руб.

Редакторъ этого новаго изданія извѣстной книги покойнаго Незеленова очень внимательно и осторожно отнесся къ своей задачѣ: онъ дополнилъ книгу по новымъ изслѣдованіямъ, кое-гдѣ внесъ поправки, но оставилъ общій планъ и размѣры безъ измѣненія. Особенно цѣнны вставки, сдѣланныя *А. И. Кирпичниковымъ* изъ курса, читаннаго *Ө. И. Буслаевымъ* Наслѣднику Цесаревичу въ 1859—1860 годахъ, и изъ сочиненій *Н. С. Тихонравова*.

Такъ какъ книга г. Незеленова уже неоднократно подвергалась разсмотрѣнью, и новымъ является въ ней лишь внесенное изъ авторитетныхъ сочиненій, то мы позволимъ себѣ ограничиться въ нижеслѣдующемъ разборѣ частными замѣчаніями. На стр. 10 обращаетъ на себя вниманіе опредѣленіе загадокъ. Въ учебникѣ говорится, что это были краткія „изреченія, заключавшія въ себѣ повѣствованія о божествахъ.“ Это неточно. Часть загадокъ, если судить по древнимъ остаткамъ, была въ вопросительной формѣ. Были загадки, которыя обусловливались народной этимологіей, намѣренно двусмысленныя и т. д. Вообще достаточно проглядѣть наиболѣе полный изъ нашихъ сборниковъ—*Садовниковскій*, чтобы убѣдиться, что загадки

¹⁾ Помѣщенные въѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

восходили къ разнымъ источникамъ, и что приведенное выше опредѣленіе, со своимъ противовѣсомъ, что „въ настоящее время загадки имѣютъ въ народѣ значеніе забавы“, грѣшитъ односторонностью.

На стр. 10-й же упоминаются *похоронныя* пѣсни. Никогда о такихъ не слыхали. Авторъ ставитъ въ скобкахъ („причитанья“, „заплачки“). Онъ смѣшалъ, очевидно, пѣсню съ причетью, *речитативомъ*.

На стр. 13. Надо бы было объяснить, что называетъ авторъ „стихотворнымъ складомъ сказки въ древности“, а то вѣдь ученикъ подумаетъ, что сказки были первоначально чѣмъ-то въ родѣ былинъ и что, какъ есть сказки объ Ильѣ или Василю Буслаевѣ, такъ были вѣкогда и былины о заколдованномъ царствѣ или Морозкѣ. Зачѣмъ на стр. 17 авторъ называетъ эпосъ богатырскій еще и *героическимъ*? Давно бы было пора оставить эту безжизненную параллель. У насъ никогда не было въ былинахъ *героевъ*, какъ у грековъ не было *богатырей*. Учебный курсъ долженъ особенно избѣгать смѣшенія понятій.

Непріятно читать на 23 стр. слѣдующую чрезмѣрную идеализацію Ильи: „Доброта, входящая до великодушія,— основная характерная черта его нравственнаго образа.“ Можетъ быть, также излишней роскошью для учебника является въ добавокъ къ этимъ словамъ односторонняя характеристика богатыря, выписанная изъ К. Аксакова.

Производство отчества „Пленковичъ“ отъ „Щапенковичъ“ (на основаніи, кажется, двухъ вариантовъ у Гильфердинга)—рискованно.

Такъ какъ, по плану А. И. Незеленова, статьи о произведеніяхъ народной поэзіи печатались всѣ подрядъ, то передъ разсмотрѣніемъ „духовныхъ стиховъ“ ему пришлось сдѣлать экскурсъ въ область книжной словесности (38—40). Этого различія отъ подражателей Порфирьева нельзя не одобрить: почему, въ самомъ дѣлѣ, тогда и былины, посящія многообразные и несомнѣнные слѣды письменнаго вліянія, не разсматривать отдѣльно отъ собственно устной словесности?

На стр. 68 въ параллели между Владиміромъ Мономахомъ и Ильей, можетъ быть излишней и во всякомъ случаѣ начега не объясняющей, находимъ странный недосмотръ: „Владимиръ не велитъ никого убивать“: надо *казнить*. Что же дѣлалъ онъ въ 83 походахъ (только большихъ)?

„Хожденію“ Давида въ общей экономіи книги удѣлено несоответственно много мѣста—4 стр. (69—72).

Обращаемъ вниманіе на прекрасныя страницы, гдѣ въ учебникѣ говорится о XIII, XIV и XV вѣкахъ (86 сл. стр.), особенно 86 съ

характеристикой начала татарщины в 90, 91 („Повѣданіе“ и „Задонщина“).

При характеристикѣ положительной стороны „Домостроя“ мы не нашли, между прочимъ, указанія на то, что слугѣ не надо отягощать работой, и что хозяйка *должна сама умѣть дѣлать работу*, которую задаетъ служанкамъ: повидимому, въ этомъ требованіи была очень гуманная основа.

Въ учебникѣ удѣлено довольно много мѣста перепискѣ царя Іоанна съ Курбскимъ (113—116); хотя это наклонность—общая всѣмъ нашимъ составителямъ учебниковъ, но намъ кажется, что, передавая содержаніе читаемаго, учебникъ напрасно беретъ на себя задачи хрестоматіи. Это замѣчаніе равномѣрно относится ко всѣмъ тѣмъ произведеніямъ, которыя должны читаться и разрабатываться въ классахъ. Учебникъ долженъ приводить ихъ въ систему и ставить, такъ сказать, на историческую почву, но излагать ихъ содержаніе значить безцѣльно увеличивать объемъ учебника.

Съ другой стороны, нельзя не пожалѣть, что въ учебникѣ Неаеленова не расширенъ хотя нѣсколько отдѣлъ о „Повѣстяхъ въ древней литературѣ“. На 5 маленькыхъ страницахъ (131—135) нельзя сказать ничего опредѣленнаго о повѣсти и византийскаго происхожденія и западно-европейскаго и о трехъ русскихъ бытовыхъ (правоучительной, правоописательной и сатирической): желательно бы было или уменьшеніе матеріала, или нѣкоторое расширеніе самой статьи, а то, напримѣръ, объ „Александриѣ“ ученикъ изъ сказаннаго не составитъ себѣ рѣшительно никакого представленія. Едва ли можно согласиться съ авторомъ учебника въ правильности изложенія первой сатиры Кантемира. Первой ея части, то-есть характеристикѣ четырехъ невѣжъ (ученики ее изучаютъ), онъ посвящаетъ цѣлую страницу (161 стр.), а второй, заключающей въ себѣ элементы собственно лирическіе и гораздо болѣе оригинальной, чѣмъ первая, онъ посвящаетъ нѣсколько строкъ. Кромѣ того, здѣсь опять учебникъ взялъ на себя задачу хрестоматіи и устнаго разбора.

Совершенной переработки требуетъ, по нашему мнѣнію, слѣдующій отзывъ о Кантемирѣ, на стр. 163. „Но такая идея умѣренности (Горраціанской) не согласуется съ высшими стремленіями человѣческаго духа; кто подчинится ей, тотъ не будетъ способенъ на подвигъ самоотверженія, не *выступитъ смѣло на борьбу со зломъ*. Мы это видимъ въ *произведеніяхъ и жизни* Кантемира. Онъ оканчиваетъ свою 1-ю сатиру совѣтомъ уму своему „сидѣть въ незнатности“, не вы-

ступать *мало и смѣло* противъ невѣжества, потому что (поясняетъ онъ) вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, „ты встрѣтишь хулу злую“. И дѣйствительно, сатирикъ *мало заботится* о распространеніи своихъ сатиръ въ обществахъ“. Авторъ сошелъ въ этомъ отзывѣ съ почвы исторической, а онъ пишетъ „Исторію русской словесности“. Кромѣ того, развѣ поэтъ долженъ заботиться о *распространеніи* своихъ произведеній? Развѣ авторъ учебника забылъ, сколько интересныхъ проявленій человѣческой мысли (хотя бы у Державина) могло перейти въ литературу благодаря „Гораціанской оболочкѣ“, противъ которой онъ такъ вооружается?

Стр. 187—189 представляютъ краткое и неточно выраженное сужденіе о „вліяніи философіи XVIII вѣка“. Философію эту, по мнѣнію автора, можно назвать не только освободительной, но „скептической“ и „матеріалистической“.—Подъ именемъ философіи здѣсь разумѣется, повидимому, вся совокупность теоретической работы выдающихся умовъ вѣка, и опредѣленіе является весьма одностороннимъ. Вѣдь XVIII вѣкъ во Франціи принадлежалъ не только Вольтеру, но и Руссо, а въ теченіе его дѣйствовалъ не только Дидро, но и Бюффонъ. Весьма странно, что въ учебникѣ не сказано ни слова о Монтескье, хотя вліяніе его „Духа законовъ“ сказалось у насъ непосредственно, какъ объ этомъ упоминается и у Незеленова на стр. 189.

Къ книгѣ Незеленова приложенъ прекрасно составленный списокъ книгъ, которыя могли бы быть рекомендуемы учащимся для пріобрѣтенія дополнительныхъ свѣдѣній по исторіи русской словесности за періоды, обнимаемые даннымъ томомъ учебника.

Сдѣланныя выше замѣчанія на почтенный трудъ покойнаго А. И. Незеленова въ редакціи проф. Кириичникова не имѣли въ виду умалять его солидныхъ достоинствъ, главнымъ же образомъ, научности, сжатости и ясности изложенія.

Учебникъ Вскошій географія для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть II. Вѣввропейскія страны. Составилъ И. Штетенева. С.—Пб. 1900. Стр. 162. Цѣна 85 коп.

Учебникъ г. Штетенева относится къ числу тѣхъ, которые показываютъ стремленіе къ сообщенію ученику самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній не только изъ физической географіи, но и изъ географіи политической, этнографіи, исторіи и другихъ сродныхъ наукъ. Часть этихъ свѣдѣній сообщается крупнымъ шрифтомъ, многое въ примѣчаніяхъ, иногда (стр. 25, 110 и др.) весьма обширныхъ, а еще болѣе въ особыхъ приложеніяхъ, составляющихъ почти пятую часть